

УДК 330.101.22

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ БЕДНОСТИ

¹Богданова В.П., ²Родионова С.Д.

¹ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет»,
Тюмень, e-mail: vera.bogdanova.55@bk.ru;

²Управление социальной защиты администрации, Ноябрьск

Проведен анализ взаимосвязи общественно-экономических условий и систем организации общественной жизни и бедности как фактора торможения общественного развития, так как она представляет собой угрозу социальной безопасности и является источником депривации миллионов граждан. Распространение масштабов бедности отражается на развитии как индивида, семьи, так и общества в целом. В последнее время становится очевидным тот факт, что без снижения уровня бедности населения невозможно достичь повышения качества жизни, которое в свою очередь является залогом дальнейшего социально-экономического развития общества. Одним из последствий бедности является также социальная дезинтеграция населения. Значительное число бедных, оказавшихся лишенными или ограниченными в доступе к социально-экономическим ресурсам общества, впоследствии остаются в стороне от социально-экономической жизни общества. Это может привести к распаду общества, разъединению его элементов и разрушению социально-экономического единства страны. Таким образом, бедность является не только экономической, но и общественно значимой проблемой, которая требует практических действий со стороны правительства в области ее сокращения.

Ключевые слова: депривация, угасание трудовой жизненной мотивации, социальный срыв, преобразования в социальной сфере, ситуация «хронической» бедности, изменение общественной структуры

SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION IN RUSSIA AND THE ORIGINS OF POVERTY IN RUSSIA

¹Bogdanova V.P., ²Rodionova S.D.

¹Federal State budgetary educational institution of higher professional education
«Tyumen state oil and gas University», Tyumen, e-mail: vera.bogdanova.55@bk.ru;

²The Department's head of work with a family, Noyabrsk

Socio-economic transformations in Russia directly influence the organization of public life, and nominal – poverty. Analysis of the relationship between socio-economic conditions and systems of social organization and poverty as a factor in the inhibition of social development conducted. Due to the fact that poverty is a threat to social security and is a source of deprivation of millions of citizens. The spread of poverty affects the development of individuals, as families, and society as a whole. Recently, it is evident that without reducing the level of poverty we will not be able to improve the quality of life. And it is the key to further socio-economic development of society. Social disintegration of the population is one of poverty consequences. Considerable part of the poor, deprived or limited in access to social and economic resources of society, remain away from social and economic life of society. This can cause the collapse of society, the separation of its elements and the socio-economic unity of the country. Thus, poverty is not only an economic but also a social problem that requires practical government action for its reduction.

Keywords: deprivation, the extinction of the employment life motivation, social disruption, transformation in the social sphere, the situation of «chronic» poverty, changing social structures

Своевременный анализ социального содержания проблемы бедности, а также выявление причин, характеризующих изменения, происходящие в отношении к данной проблеме, помогают выявить существующие в российской практике противоречия и неопределенности в вопросах преодоления бедности, делая ее актуальной для дальнейшего теоретического осмысления и принятия обоснованных управленческих решений с целью повышения эффективности реализации целевых программ. В связи с этим существует необходимость корректировки законодательства в области мер по сокращению российской бедности на основе углубленного теоретического анализа

данного феномена, его критериев оценки и разработки эффективного организационно-управленческого механизма преодоления бедности.

Проявления бедности в той или иной мере имели место во всех общественно-исторических условиях. На сегодняшний день нет ни одного государства, в котором бы не было категорий населения, ограниченных в ресурсах. Считалось, что в СССР проявления бедности были незначительными, а основной ее причиной было нежелание работать самого индивида.

К российским исследователям бедности постсоветского периода можно отнести В.Н. Бобкова, Т.Ю. Богомолу,

И.Б. Колмакова, Е. Кузнецову, Н.М. Давыдова, Н.М. Римащевскую, А.Ю. Шевякова и др. Заметим, что социологи единодушны во мнении, что основной причиной массовой бедности в России стал глубокий экономический кризис начала 90-х гг. XX в., который произошел после распада Советского Союза и повлек за собой разрушение единого народнохозяйственного комплекса. Данное явление привело к сокращению доходов, росту безработицы, резкому снижению уровня жизни большей части населения, дифференциации доходов в результате либерализации цен и зарплат.

По мнению Т.Ю. Богомоловой, «массовая приватизация государственной собственности не оправдала возложенных на нее надежд и не повлекла за собой ни ожидаемого роста инвестиций, ни увеличения числа рабочих мест, ни повышения зарплат. В последние годы в России происходит переоценка роли государственного вмешательства в процесс построения рыночной экономики и социальной составляющей экономических реформ, что также требует глубокого осмысления, анализа и оценок происходящих в России трансформационных преобразований [1, с. 36].

И. Зеленый и Э. Костелло, являясь сторонниками «рыночного характера» бедности, отмечают появление ее новых черт, вызванных спецификой либеральных рыночных реформ в посткоммунистических странах. Ключевой причиной, по их мнению, становится низкая классовая позиция, которая сначала определяется недостатком административного ресурса, а со временем – уровнем образования. Поэтому в числе проигравших в начальной стадии реформ оказываются широкие массы трудящегося населения, в том числе рабочий класс. Однако с внедрением рынка и формированием системы социальной защиты неравенство будет сокращаться, а причинами бедности будут низкий уровень образования (низкий уровень культурного капитала), а также, при определенных условиях, – этническая и гендерная принадлежность, но, как отмечают ученые, в России этот процесс будет более длительным [2, р. 1082].

Таким образом, анализируя причины и специфику формирования социальной прослойки бедных в доперестроечный период, автор отмечает, что в советской системе распределения благ одни категории граждан получали максимальные права на социальные компенсации и льготы, другие были их лишены. С точки зрения английского ученого Е. Кимерлинга, в Советском Союзе социальные услуги распределялись на основе «принципов социальной селек-

ции, меритократического вознаграждения и неравенства» [3, р. 24–46]. На первый взгляд, в этой системе государство являлось основным источником распределения социальных благ. Однако на практике уровень обеспечения нуждающихся в значительной степени зависел от того, в каком городе (поселке) жил и работал советский гражданин, какими возможностями располагали местные власти в обеспечении социальных благ и насколько успешно функционировали предприятия, расположенные на территории региона [4].

В. Радаев, О. Шкаратан отмечают, что «работа на определенном предприятии позволяла устроить ребенка в детский сад, школу, получить путевку в заводской дом отдыха, получить жилье и многие другие услуги. То есть, место работы служило одним из важных механизмов стратификации общества, ранжируя и вознаграждая граждан, в зависимости от их принадлежности к той или иной корпоративной структуре» [7, с. 28]. Так, например, во времена советской власти основные вопросы: трудоустройство, обеспеченность жильем, доступность образования, медицинское обслуживание и др., – полностью решало государство, а в современных условиях все это должен решать человек самостоятельно.

В конце 1980-х гг. российская элитарная интеллигенция во главе с реформаторами Е.Т. Гайдаром и А.Б. Чубайсом приступила к реформированию социально-экономического устройства общества, в ходе которых произошел не сбой, не социальный срыв, а практически полное изменение всей общественной структуры. В эпоху М.С. Горбачева оно выразилось в форме идеологии, а в 90-е гг. легло в основу всей доктрины реформы. В результате реформирования появилась огромная социально-экономическая прослойка людей, которая пытается выжить в изменившихся социально-экономических условиях. Побочным эффектом реформирования стало угасание трудовой и жизненной мотивации в бедной части населения, снижение профессионализма и квалификации работников, а также стремительное нарастание неграмотности, что в итоге резко сократило возможности для профессионального роста и увеличения доходов, а также создало среду, для которой бедность является нормальным состоянием.

Вступление России на путь экономических преобразований побудило многие исследовательские организации провести исследования по изучению феномена российской бедности и факторов, ее определяющих. В те времена официально считалось, что при социализме уже достигнуто

обеспечение «разумных» потребностей основной массы населения. Однако бедность была серьезной проблемой уже к приходу М.С. Горбачева к власти и постоянно нарастала в годы его правления по мере роста цен и сокращения производства. После либерализации цен, провозглашенной правительством Б.Н. Ельцина – Е.Т. Гайдара, бедность стала одной из основных проблем российского общества.

Ученые, озадаченные масштабами российской бедности, активно включились в поиски действенных механизмов ее измерения, объяснения и регулирования. Началась эпоха «открытия» бедности, изучения разнообразных характеристик россиян, выпавших из числа состоятельных граждан. В то же время начинается институциональное строительство российской системы социального обслуживания населения, разрабатываются первые программы помощи и создаются новые социальные учреждения, нацеленные на удовлетворение нужд различных категорий граждан [8, с. 80–105].

Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что тяжелая экономическая ситуация начала 1990-х гг. актуализировала необходимость сокращения вложений в социальную сферу, но в то же время резкое падение уровня жизни значительной части российского населения требовало принятия компенсаторных мер по снижению социальной напряженности. Важную роль в реализации такого положения должна была сыграть система социального управления. Основное предназначение социального управления заключалось в организации деятельности общества в целом, его институтов и отдельных членов с целью оказания помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, в решении возникших у них социальных проблем, в восстановлении или усилении их способности социального функционирования в соответствующих условиях жизни.

В начале 2000-х гг. Россия пережила очередной ряд реформ в социальной сфере [5, с. 331–332] (таблица).

По мнению В.А. Сидоровой, «реформы привели к тому, что реализация адресных социальных программ стала почти на 70% зависеть от возможностей регионов РФ обеспечить их финансирование». Так, на региональный уровень были спущены обязанности по финансированию отдельных социальных программ, учреждений социальной и жилищно-коммунальной сферы. Важно отметить, что многие из новых социальных обязательств регионов не были подкреплены соответствующими ресурсами. Так, например, третий этап реформ должен был существенно улучшить положение российских семей с детьми и в целом способствовать изменению демографической ситуации в стране, но этого не случилось.

В начале перестройки некоторые социологи считали, что преобразования в социальной сфере могли бы стать основным инновационным механизмом урегулирования интересов различных социальных групп. Т.И. Заславская отмечает, что целью реформ являлся «демонтаж тоталитарной системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся». В результате единственной стратегией «пассивного реформирования» социальной сферы стал рост расходов на социальные нужды и постоянное увеличение количества «льготников» без реальной реструктуризации социальной сферы. Помимо всего прочего, позитивный эффект данной стратегии снижался также из-за высокого уровня инфляции, что, в свою очередь, привело к необеспеченности социальных гарантий, задержкам в выплате льгот, пособий и пенсий и, как следствие, еще более резкому падению уровня жизни населения.

Постсоветские преобразования в социальной сфере

Этапы	Периоды	Основные события
I этап	2000–2003 гг.	– стабилизация социальных выплат гражданам; – введение условий на выплату пособий на ребенка; – рост численности получателей пособий, компенсаций и других видов помощи
II этап	2004–2005 гг.	– перераспределение ресурсов в социальной сфере: – «монетизация льгот»; – передача полномочий по ежемесячному пособию на ребенка на региональный уровень; – административная реформа социальной защиты с передачей полномочий по содержанию ряда социальных объектов на региональный уровень; – принятие единого для всей страны порядка предоставления жилищных субсидий
III этап	2006 г. по настоящее время	– смещение приоритетов в социальной защите в сторону поддержки семей с детьми и семейного устройства детей-сирот

И. Сакс отмечает, что «выход из кризиса виделся в реорганизации социальной сферы в соответствии с принципами неолиберального подхода, суть которого заключалась в сокращении вмешательства государства в экономику и, главное, в оптимизации расходов на социальную сферу. Таким образом, все эти процессы не могли быть отрегулированы только рыночными механизмами, а социальные реформы в России привели к изменению структуры расходов граждан. «Монетизация» льгот (2005 г.) положила начало системным изменениям в составе денежных доходов населения, то есть по настоящее время из личных денежных доходов «льготники» оплачивают пользование телефоном, расходы на жилищно-коммунальные услуги, частично образование и лечение.

Таким образом, по мнению И.Б. Колмакова, «последствия продвижения неолиберальной идеологии в России, помимо всего прочего, выражаются в тенденции к рационализации (оптимизации) социальной сферы. Суть состоит в разработке стандартов и нормативов социальных услуг, внедрении «адресных» социальных программ помощи и механизмов тестирования нуждаемости, развитие тренда на коммерциализацию социальных услуг». В перспективе реформы должны были привести к созданию рынка социальных услуг, на котором будут одновременно действовать государственные, рыночные и общественные структуры.

Анализ исторических вех формирования стратификационной системы в послеперестроечной России приводит автора к выводу о том, что процесс формирования социальной прослойки бедных в России имеет свои отличительные характеристики.

Во-первых, российская бедность не вызрела эволюционно вместе с развитием рынка, как это происходило в европейских странах, и поэтому понятия и модели, характерные для капиталистической экономики зарубежных стран, не годятся для России. Государство может изменить направление в сфере отношений собственности и в распределении доходов, но для этого необходимо также полностью поменять курс реформ и в дальнейшем стать снова «социальным» государством.

Во-вторых, структурируя данную проблему, выделяя параметры, характер и динамику возникновения российской бедности, автор отмечает, что сегодня центр тяжести перемещается в другую

группу риска – «работающих» бедных, тех трудоспособных членов общества, которые в силу ряда причин и, прежде всего, характера занятости, получают низкие доходы и не могут прокормить себя и свою семью. Здесь же можно сказать, что обеднели целые категории работающих людей, причем людей квалифицированных, выполняющих сложную и наукоемкую работу.

Несмотря на существенный рост минимальной заработной платы, около трети работников (24 % на крупных и средних предприятиях и порядка 40 % в малом бизнесе и нерегистрируемом сегменте занятости) получают заработную плату менее 1,5 прожиточных минимумов. Более того, почти каждый пятый работник получает заработную плату ниже прожиточного минимума. Это означает, что риск бедности для его семьи оказывается в 12,2 раза выше, чем для всех остальных. Но, как отмечает А.В. Очирова, «решить проблемы этой части бедных мерами социальной поддержки отдельных категорий граждан невозможно не только по причине бюджетных ограничений, но и в силу экономической нецелесообразности» [6, с. 7–8].

Дополняя вышеперечисленные высказывания, А.Ю. Шевяков отмечает, что структура и «мера» бедности работающих во многом зависит от внешнего проблемного поля бедности, то есть социально-экономических процессов, сопутствующих обеднению. В результате социально-экономических перемен, имевших место в конце 90-х гг. XX века, в России сформировался многочисленный слой устойчиво бедных семей, большинство из которых раньше принадлежало к среднему классу советского общества и обеднело непосредственно в результате реформ (так называемые «новые бедные»).

Основная их проблема состоит как в недостатке средств к существованию, так и в том, что они оказались социально неадаптированными. Их жизненные стратегии устарели и превратились в стратегии, ведущие к бедности. Произошедшее обеднение большей части трудоспособного населения, ликвидация права на равный доступ к образованию, независимо от доходов родителей, создание порочный круг, который резко сократил возможность молодежи вырваться из состояния бедности. Данный механизм был создан уже на первоначальном этапе реформы, когда социально-экономические потрясения, сопровождающие

трансформацию российского общества, сформировали социальную прослойку работающих бедных, занятых интеллектуальным трудом, которые, не преодолев этого состояния, сформировали ситуацию «хронической» бедности, имеющей свои особенности и передающейся из поколения в поколение.

Таким образом, отмечая основные вехи развития данного процесса, можно отметить, что в начале экономических преобразований в России ядро бедных традиционно составляли социально уязвимые слои населения (пенсионеры, инвалиды, многодетные и неполные семьи с детьми), а после мирового финансового кризиса 2008 г. изменилась динамика структуры бедного населения и, соответственно, социально-демографический состав бедных. Нисходящая социальная мобильность широких слоев населения ведет к распространению бедности в стране, возникает официальная поляризация (концентрация богатства и бедности на разных полюсах общественного устройства), формируются социальные механизмы самостоятельного решения проблем, без учета которых эффект экономического роста может быть минимальным, что чревато ростом числа получателей трансфертов и люмпенизированного населения.

В настоящее время многочисленные социологические исследования, проводимые различными научными коллективами и аналитическими центрами, позволяют увидеть пеструю картину масштабов бедности в России, потому что они опираются на разную теоретико-методологическую базу.

Институт социологии РАН использовал европейские методики в исследовании жизни россиян и получил следующие результаты: 59 % живут в бедности, из них до прожиточного минимума не дотягивают 16 %, а 43 % относятся к категории малообеспеченных. В наиболее сложном материальном положении находятся многодетные и неполные семьи, среди них доля бедных составляет 60–80 %, а основной причиной бедности являются низкие доходы родителей. Появились и «новые бедные» – это полные семьи с 1–2 детьми, у 50 % которых доходы ниже прожиточного минимума, 60 % семей имеют пенсионеров с низкими пенсиями, 40 % – родителей, занятых низкооплачиваемой работой.

Таким образом, приведенные выше факты позволили автору данного исследования обозначить контуры данного яв-

ления и отметить особенности, которые можно принять в качестве отправной точки анализа бедности в современной России. Большинство современных социологов, занимающихся проблемой бедности, единогласны во мнении, что можно выделить два основных пласта причин вытеснения граждан в категорию бедных:

1) социально-экономические потрясения, связанные с переходом страны к капиталистическим отношениям и полным изменением стратификационной системы общества, т.е. причины, не зависящие от индивида;

2) причины, связанные с собственной жизненной позицией индивида, такие как нежелание работать, алкоголизм, наркомания, склонность к асоциальным формам поведения.

Необходимо также отметить, что бедность в России должна обрести свою субъективность. Высокая степень ее интеллектуализации является одной из основных черт российской бедности. Кроме этого, стремительная феминизация бедности является особой проблемой для современной России. Женщины в нашей стране в большей мере подвержены бедности из-за ограниченного доступа к высокооплачиваемым рабочим местам, возможности потерять работу в связи с сокращением или увольнением, так как они нуждаются в дополнительных льготах (отпуск по уходу за ребенком, дополнительные отпуска и т.д.), которые невыгодны для работодателей. Они также могут оказаться за чертой бедности, потеряв кормильца, попав в категорию матери-одиночки или имея ребенка-инвалида. Все эти факторы резко сокращают ее трудоспособность и переводят в категорию людей, которые попадают в зависимость от социальных пособий.

Еще одной особенностью бедности в российских условиях является явление «догоняющей бедности», суть которого состоит в копировании престижного потребления, когда представители малообеспеченных слоев населения пытаются потреблять на уровне высокообеспеченных (чтобы быть не хуже), что заставляет их влезать в долги (брать кредиты, не соответствующие уровню доходов) или изыскивать незаконные способы получения дохода. Таким образом, российские бедные отличаются особой, специфической субкультурой, которая во многом имеет схожие черты с западными представителями данной социально-экономической прослойки.

Список литературы

1. Богомолова Т.Ю. Бедность в современной России: масштабы и территориальная дифференциация // ЭКО. – 2004. – № 11. – С. 35–39

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 325 с.

3. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. / под ред. Т.М. Малеевой / Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимов и др. – М.: НИСИ, 2007. – 348 с.

4. Очирова А.В. О преодолении бедности в стране // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 9. – С. 5–9.

5. Радаев В., Шкаратан О. Социальная стратификация. – М.: Аспект-Пресс. 1996. – 234 с.

6. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – 105 с.

7. Szelenyi Ivan and Kostello, Eric. The market transition debate: Toward a synthesis? // American Journal of Sociology. – 1996. – Vol. 101. – № 4. – P. 1082–1096.

8. Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // Russian Review. – 1982. – № 41. – С. 24–46.

References

1. Bogomolova T.Ju. Bednost v sovremennoj Rossii: mashtaby i territorialnaja differenciacija // JeKO. 2004. no. 11. pp. 35–39

2. Kastels M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kultura / per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana. M: GU VShJe, 2000. 325 p.

3. Obzor socialnoj politiki v Rossii. Nachalo 2000-h. / pod red. T.M. Maleevoj / N.V. Zubarevich, D.H. Ibragimova i dr. M.: NISP, 2007. 348 p.

4. Ochirova A.V. O preodolenii bednosti v strane // Uroven zhizni naselenija regionov Rossii. 2008. no. 9. pp. 5–9.

5. Radaev V., Shkaratan O. Socialnaja stratifikacija. M.: Aspekt-Press. 1996. 234 p.

6. Romanov P., Jarskaja-Smirnova E. Ideologija socialnoj politiki i praktika socialnogo obsluzhivaniya v period liberalnyh reform / pod red. P. Romanova, E. Jarskoj-Smirnoj. M.: ООО «Variant», CSPGI, 2008. 105 p.

7. Szelenyi Ivan and Kostello, Eric. The market transition debate: Toward a synthesis? // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. no. 4. pp. 1082–1096.

8. Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // Russian Review. 1982. no. 41. pp. 24–46.

Рецензенты:

Гаврилюк В.В., д.соц.н., профессор, заведующая кафедрой социологии, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень;

Ткачева Н.А., д.соц.н., профессор кафедры маркетинга и регионоведения, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, г. Тюмень.